АЛЕКСАНДР
БУБЕННИКОВ
НЕЖНЫЙ АРОМАТ
СМЕРТИ
ПОДУМАЙ ОЧЕНЬ ХОРОШО,
ПРЕЖДЕ ЧЕМ СОРВАТЬ ЭТОТ ЦВЕТОК

Александр Николаевич Бубенников

Нежный аромат смерти

Серия «Преступление в большом городе. Современный детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68798637
Нежный аромат смерти:
ISBN 978-5-04-180972-0

Аннотация

Инженер Николай Николаевич и его дочь Катя вовлечены в странную интригу соседей по даче – флориста Игната и его приемных дочерей. Семейка занимается цветочной магией, и с помощью микса из ароматов специальных цветов они убивают тех, кто стоит на их пути к власти. Но эти запахи, как оказалось, способны также разбудить дремлющие в мозгу потенциалы творчества, исключительных способностей и сверхвозможностей. И в какой-то момент тайное оружие гения-инженера вдруг подводит к совершенно непредсказуемому результату.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 28
Глава 4 39
Глава 5 49
Глава 6 60
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Александр Бубенников
Нежный аромат смерти

Глава 1

Те времена перемен и потрясений в стране, в принципе, могли бы показаться ужасными, кровавыми и дурно-пахнущими, но при ближайшем рассмотрении, на уровне СНТ и добрососедского панибратства походили на вегетарианские, и даже почему-то для кого-то пахли редкими цветами и смородиной. Для непосвященных в специфику жизнедеятельности дачных кооперативов с момента их организации в начале-середине 1990-х годов, аббревиатура СНТ, введенная чуть позднее, означает «садоводческое некоммерческое товарищество».

Чтобы получить свои законные шесть соток, каждому потенциальному владельцу надо было вырубить множество деревьев и кустарников запущенного леса на территории СНТ, причем задолго до срока жеребьевки и закрепления участков за хозяевами. Так что всем претендентам на свои шесть соток надо было отработать в бригаде первопроходцев после механической поступи по леску тракторов. Вот и инженер одного почтового ящика Николай Николаевич попал в такую быстро сколоченную бригаду, где роль бригадира примерил

на себя Игнат Демьянович, бывалый, видавший виды мужчина средних лет, а на правах его заместителей оказались две дамы неопределенного возраста. Как потом выяснилось, одна из дам, по правую бригадирскую руку, была жена Игната Демьяновича, Ирина Игнатьевна, а по левую руку, младшая сестра Ирины Игнатьевны, Мальвина Игнатьевна.

Представившись в конце первого рабочего дня по просьбе членов бригады как инженер-механик, Николай Николаевич захотел узнать, кем по профессии являются его коллеги. Бригадир хохотнул и ответил за всех:

– А мы все бухгалтера, в брюках и трусах дыра… – и добавил резко изменившимся серьезным голосом. – А ведь мы сегодня, ребята и девчата, всем остальным бригадам нос утёрли. Больше всех площадь зачистили. Пойду к руководству выяснить вопрос насчет привилегий и благ…

– Сходи, сходи, – дружно откликнулись Ирина Игнатьевна и Мальвина Игнатьевна. – И все блага упреди…

Когда бригадир Игнат Демьянович предложил подвезти Николая Николаевича до автобусной остановки на своей новенькой иномарке, тот не отказался.

По пути Николай Николаевич полюбопытствовал:

– Я, честно говоря, не понял, о каких дачных благах т привилегиях, Игнат Демьянович, вы говорили…

– Да, так, – неопределенно махнул рукой бригадир, неотрывно глядя на шоссе. – Есть соображения и виды на дополнительные шесть соток в расширение… – Водитель оборвал-

ся, услышав осторожное, о чём-то предупреждающее покашливание женщин с заднего сидения автомобиля.

Николай Николаевич решился на уточнение вопроса, набравшись смелости:

– Это, что за хорошую качественную бригады дополнительные шесть соток дают…

С заднего сиденья одновременно презрительно фыркнули дамы:

– За деньги на лапу дают дополнительные шесть соток…

– Официально не положено членам кооператива иметь двенадцать соток… – Пояснил с усмешкой на губах бригадир. – Но из набора всех строгих правил всегда найдутся выгодные полезным членам дачного сообщества приятные исключения…

– Для предприимчивых бухгалтеров, – подсказали с заднего сидения авто, – умеющих работать головой и руками.

По более низкому тембру голоса Николай Николаевич определил Мальвину Игнатьевну, и хотел было задать главный вопрос на сегодня: «Насколько важно бригаде быть в лидерах соревнования бригад по очистке леса», но его опередили.

– Бригада должна быть в тройке лидеров, это само собой… – Баском перед самой автобусной остановкой. – Тогда члены бригады… то есть, я да ты, да мы с тобой, можем претендовать на приоритет выбора участков и взаимовыгодное соседство пайщиков…

– Вот как, – удивился Николай Николаевич, – я и не знал о таких неписанных правилах…

– А теперь знаете, Николай Николаевич, вы же не против нашего соседства, – строго, но с едва заметной подначкой вопросительно пробасил Игнат Демьянович.

Николай Николаевич пожал плечами и покорно согласился:

– Я не против. Конечно, не против.

Пожимая на прощание руку Николаю Николаевичу, Игнат Демьянович пошутил со значением:

– Сегодня, между прочим, господа, я закрыл наряд по количеству и качеству обработанной от завалов площади, как явный лидер… Так держать, дамы и господа… До скорой встречи через неделю на новом субботнике, Николай Николаевич… Ужо не подведите нас… Придется вам оправдать доверие бригадира и членов бригады выбиваться на всех субботниках в лидеры капиталистического соревнования за место под солнцем…

– До свиданья.

В течение следующих субботника Николай Николаевич узнал о «цветочном хобби» бухгалтеров. Это случилось во время «перекура», которого Николай Николаевич не особенно-то и жаждал, поскольку не курил, но с удивлением заметил, что и остальные члены бригады из когорты некурящих. Почему-то тогда Николай Николаевич признался, что хотел бы развести на своем участке кусты черной и красной смо-

родины.

– Без проблем, – буркнул Игнат Демьянович, – будут у вас редкие экзотичные экземпляры черной смородины.

– А красной?

– И красной, разумеется, выставочные образцы, редчайшие экземпляры мировой садовой селекции.

– И давно вы смородиной увлекаетесь, Игнат Демьянович?

– Давно. Но главное моё хобби не смородина. Смородина, разумеется, тоже будет у меня на участке. Но главное – парники, клумбы.

– Парники?.. Для овощей?..

– Какие овощи?.. Впрочем, овощи у меня тоже будут, Николай Николаевич, и парниковые, и в грядках, естественные… – Бригадир сделал многозначительную паузу. – А главное, у меня будет много парников для выращивания цветов… Розы, пионы, георгины в парниках и без оных…

– Бизнес на цветах?..

– Не без этого… Хотя больше для души и природной магии, говоря возвышенным стилем…

Только Николай Николаевич открыл рот на предмет разъяснения термина «природной магии», как бригадир, словно угадав его намерение, объявил:

– Перекур с дремотой окончен. За работу, господа-товарищи. Обретем наслаждение жизнью в работе на воздухе и соревновательном процессе за место под солнцем.

На третий субботник Игнат Демьянович пришел один без своих женщин и тут же предупредил без тени шутовства в голосе:

– Поскольку у моих баб сегодня критические дни, то нам с вами, Николай Николаевич, надо будет вдвоем сделать сегодня норму за четверых… Возражать не имеет смысла…

– Как скажите, Игнат Демьянович…

– Вот это дело… Я в вас не обманулся, исходя из моего нешуточного опыта визионера…

– В смысле?..

– Вы ведь хотели услышать от меня в прошлый раз разъяснения понятия «природной магии» применительно к цветам и женщинам – не так ли?

Николай Николаевич, действительно, вспомнил о таков своем мгновенном желании, почувствовал, что краснеет от неловкости за догадливость бригадира. Только разъяснять бригадиру, что его заинтересовала «природная магия выращиваемых цветов», но, отнюдь, не «природная магия женщин» было как-то неловко. Вот, он и смолчал, только покачал головой, не вдаваясь в излишние досужие оправдательные рассуждения: цветы, а не женщины. Но все же ограничился ничего не значащим словцом, но соответствующим нетривиальной ситуации его взаимоотношений с бригадиром.

– Однако.

– Да, однако, – неожиданно согласился Игнат Демьяно-

вич, успевший во время прелюдии перед трудовым порывом бригады из двух человек отказать в приеме в рабочий коллектив трем-четырем мужчинам.

– Мы с Николаем Николаевичем и так вдвоем сделаем положенную норму, нам усиление не требуется. Организуйте свою бригаду и пашите за милую душу – с перевыполнением плана – ломы и лопаты вам в руки…

Они сегодня работали еще дружней и сноровистей, молча, без перекуров. В конце субботника, отчитавшись перед председателем кооператива за поделанную работу бригады, Игнат Демьянович сказал:

– Сегодня я специально отказался от своей машины, чтобы не быть с ней связанным по рукам и ногам. Это затем, чтобы выпить в конце трудового дня… Я взял с собой хорошей водки «Абсолют» с закуской соответствующей… – Игнат Демьянович показал на свой рюкзачок. – Правда, пить придется из пластиковых стаканчиков – не возражаете?

– Не возражаю, – кивнул головой Николай, – и что, прямо в вырубленном лесу на рабочем месте?

– Да прямо в лесу, на рабочем месте, – хохотнул Игнат Демьянович, – благо здесь укорененных пеньков навалом… есть, где можно хорошо посидеть и поговорить по душам за доброй чаркой…

– Дождь может прогнать…

– Не волнуйтесь, не прогонит… Я – ведь визионер, предчувствую природу… Только тогда, когда мы с вами сядем

в автобус, только тогда разразится дождь… И прекратится дождь тогда, когда мы подъедем к железнодорожной станции, чтобы сесть в электричку…

– Ловлю вас на слове, Игнат Демьянович, – Николай Николаевич протянул руку для заключения спора – каков будет интерес выигравшей стороны?..

Игнат Демьянович ответил мощным энергичным рукопожатием, но от спора уклонился с едким замечанием:

– Спорить с вами, это значит обречь вас на заведомый проигрыш. Вы сами удостоверитесь, что я оказался прав. Я ведь визионер, почувствовавший свой дар ещё с детства, причем вместе со своей юной подругой, ставшей моей женой…

– Ириной Игнатьевной?..

– Не торопитесь, коллега… Всему свое время… Все расскажу и уточню для налаживания взаимопонимания… Так, что – за понимание вообще и личное взаимопонимание, в частности?..

На выбранных для посиделки пеньках они отхлебнули по паре хороших глотков шведской водки. Потом выпили за хорошее «лесное» настроение, за успехи и жизненную удачу. Когда им на свежем лесном воздухе «захорошело», Николай Николаевич услышал изменившийся голос Игната Демьяновича, от тембра которого он неожиданно вздрогнул.

– Перед самой смертью от онкологии моя жена, она же юная подруга дней моих суровых бездетная Ниночка-визи-

онерка, обязала меня взять двоих девочек-сирот из детского дома. Мы взяли Ирину и Мальвину. Нина ещё до своей смерти предсказала, что одна из девочек-сирот со временем станет мне женой. Нина не сказала, кто именно станет женой, но написала это в своем откровении, которое надо было прочитать, когда девушкам-одногодкам будет по 18 лет. Я так и сделал. Жениться мне надо было на Ирине…

– Но ведь она значилась в документах, как ваша приемная дочь, – сказал с горечью охмелевший Николай Николаевич, – формально, но все же… Обе приемные дочери носят ваше имя в своем отчестве…

Игнат Демьянович произнес абсолютно трезвым голосом:

– Я подчинился требованию Нины, согласно ее откровению…

– Взяли и слепо подчинились?

– Почему же слепо? Творчески подчинился. Визионер Нина предсказала, что у Ирины раскроется дар, связанный с природной магией цветов… Этот дар у нас с Ниной обнаружился еще с детства и ранней юности… А потом этот дар проявился и у Ирины с Мальвиной, только у Ирины в большей степени…

– А в чем же суть природной цветочной магии?..

– Так и сразу – в чем?.. Подождите, Николай Николаевич… Еще узнаете… А пока нам надо на автобус плетухать – до начала дождя… В автобусе, нет, в электричке договорим…

Только они сели в автобус на своей конечной остановке, как припустил сильный осенний дождь.

– Ну, что я вам говорил, Николай Николаевич…

Когда они подъехали на автобусе к железнодорожной станции, дождь, неожиданно начавшись, так же неожиданно прекратился.

– Да вы кудесник, Игнат Демьянович…

– Не без этого, – усмехнулся бригадир, – точнее, визионер, если пользоваться четкими однозначными дефинициями…

– Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною…

– Изволили Пушкина вспомнить, Николай Николаевич? Просто так, для ассоциативного ряда? Или что-то о себе хотите узнать?.. Или всё же о природной магии цветов?..

– Пока о природной магии цветов, – угрюмо откликнулся Николай Николаевич.

– Прекрасно… Видите, нас дождь не замочил, и перед моим рассказом о магии цветов у нас «Абсолют» еще остался. Хлебнем в электричке, как студенты из общаги и просветимся насчет природных цветочных таинств…

В купе вагона полупустой электрички Игнат Демьянович налил четверть стакана шведской водки Николаю Николаевичу, с чувством собственного достоинства выпил из горла бутылки «Абсолюта» остатки содержимого и начал свои колдовские речи.

– Слушайте. Живые цветы обладают высочайшей уни-

кальнейшей чувствительностью к мыслям и словам человек. Я мало что понимаю в резонансах мозга и цветов. Не в этом суть. Главное, цветы реагируют на мысли мозга человека и его слова, обращенные к цветам. Возможно все растения так чувствительны, но растения, особенно, сорняки мне никогда не были интересны… Вот цветы, это другое дело… Ладно, что они чертовски красивы на вид и чудно пахнут, сводя с ума… Побуждают на высокие чувства и подвиги души… Так живые цветы превосходят по чувствительности на многие порядки вроде бы чувствительного человека с его тонкими чувствами… Это с одной стороны… А с другой стороны, человек является источником всякого рода полей мозга, возможно, души, так или иначе связанной с работой мозга… И эти поля живого человеческого мозга способны влиять на живые цветы… Вы меня слушаете?..

– Слушаю, конечно, – неожиданно для себя громко отозвался на обращение к нему сильно взявшего на грудь алкоголя бригадира Николай Николаевич. – Я весь внимание…

– Чтобы поделиться тайной взаимодействия живого человеческого мозга и живых цветов, особенно, в мгновения их цветения, мне надобно было, так сказать, для смелости, войти в состояние частичного алкогольного опьянения… Это я к тому, что красивые цветы, розы георгины на дух не принимают мыслей и слов пьяного человека… Поверьте на слово, просто унижают пьяницу, перестают пахнуть или вместо чудных запахов дарят дурные, как кажется, пьяному… А ал-

коголь мне нужен, иначе…

– Что иначе?

– Иначе повеситься или застрелиться можно, когда после общения мысленного, душевного контакта с цветами, оказываешься наедине со своими дурно пахнущими проблемами реальной, совсем не цветущей, загнивающей жизни… Понимаете?..

– Понимаю…

– Ничего вы не понимаете… От мысленных и душевных контактов с цветами граница между жизнью и смертью оказывается зыбкой, никакой… И перейти ее ничего не стоит… И это ужасно…

Он прислонился к стенке, зачмокал губами, пытаясь произнести какие-то слова в унисон мыслей в его воспаленном мозгу, но, закрыв глаза, Игнат Демьянович мгновенно уснул.

На нужной остановке Николай Николаевич осторожно тронул Игната Демьяновича за плечо.

– Ах, да, выходить надо, – сказал мгновенно проснувшийся бригадир, тря сонные пьяные глаза, – как-нибудь потом дочитаю лекцию о цветах жизни и смерти. А может быть, и не стоит вас, Николай Николаевич грузить природной магией цветов мгновенной жизни и случайной внезапной смерти?.. Многие знания о природных таинствах взаимодействия мозга и цветов порождают великие печали…

– Не без этого…

Бригадир строго поглядел прямо и сурово в глаза Нико-

лаю Николаевичу и спросил того вкрадчивым насмешливым голосом:

– Вы ведь хотели спросить о цели моей жизни, которую мне надобно реализовать, соседствуя с вами. Во сне мне приснился этот ваш вопрос или мне привиделось нечто из разряда не заданных пока вопросов, но которые вам хотелось бы задать и услышать мой ответ…

Тот поморщился и побурчал что-то нечленораздельное скороговоркой, мол, ничего не спрашивал, да и какой смысл транслировать свой вопрос спящему человеку. Но с ужасом внутри поморщился, действительно я хотел спросить его о том, чем он занимается, и какие у него цели в катастрофически изменившемся бытии и быте хозяина участка СНТ.

– А цель такая, уважаемый Николай Николаевич, хочу стать на ваших глазах соседа во времени и пространству СНТ первым в мировой и отечественной истории долларовым миллионером, а потом и миллиардером-визионером… Надеюсь, вы знаете что такое «визионер»? По вашим пытливым глазам вижу, имеете общее представление о дефиниции «визионер», но не применительно к природной магии живых цветов…

Николай Николаевич тяжело вздохнул и покорно кивнул головой. Игнат Демьянович усмехнулся:

– У вас уже возник новый вопрос: можно ли законным образом стать в нашей обнищавшей стране незрелого капитализма быстро стать долларовым миллионером-визионером,

тем более, миллиардером-визионером на природной магии живых цветов? Отвечаю: можно, чтя к тому же, как небезызвестный Остап Бендер, уголовный кодекс РФ.

«Да он мои мысли читает без всякого напряжения мозга, что в сонном состоянии, что при бодрствовании и хорошем расположении здравого духа. – Не без тихого потрясения констатировал Николай Николаевич. – Вот такой странный сосед-визионер, поставивший целью быстро стать долларовым миллионером и миллиардером»

Глава 2

Это уже потом – в жестоких опасных временах середины-конца 90-х – Игнат Демьянович – дарил цветы из своих парников и с грядок направо и налево всем желающим и страждущим утешения и вдохновения от чудесных цветов из его огромного сада. А до этого-то надобно было эти парники построить и обустроить и дом огромный, трехэтажный каменный выстроить на своих двенадцати сотках.

Сердце Николая Николаевича часто непроизвольно и както «вдруг» сжималось, когда он вспоминал, как в первый раз услышал от Игната Демьяновича весть о том, что они теперь «соседи на века» в их богоугодном товариществе, гори оно синим пламенем – с треском или без треска.

– Вот такое странное приключение, Николай Николаевич, с нами вышло. Соседствовать будем. Вы ведь позабыли, небось, о нашем раннем разговоре.

– Честное слово, позабыл, – признался Николай Николаевич, – никогда не думал, что буду так близко к феномену «природной тайны цветов», к их мистике цветов, запахов, влияний на мозг и душу человека.

– Возможно, Николай Николаевич, вы подумали о цветах и моем хобби совсем не то, что есть на самом деле…

– Цветы цветами, но ведь я тащил свой жребий, без всякой задней мысли о соседстве с вами, Игнат Демьянович…

– И вытянули то, что надо, – как-то странно буркнул тот, – даром, что ли наша бригада на работах всегда в передовиках была, лучшей из наилучших…

– Однако… Вероятность вытащить номер моего участка по соседству с вашим на двенадцати сотках была не столь значительной…

– Так мне захотелось быть вашим соседом, Николай Николаевич, – после многозначительной паузы выдохнул Игнат Демьянович, – чего не сделаешь для реализации своих планов…

– Так, выходит, вы всё это осуществили… Но ведь я тянул жребий, мог вытянуть другой участок…

– А вытянули участок по соседству со мной, так-то вот, от судьбы не уйдешь, Николай Николаевич…

– От судьбы не уйдешь… – повторил тогда он растерянно, и тут же спохватился и спросил: – А что, собственно, вы имели в виду?

– А то, что… – Игнат Демьянович взмахнул рукой и расхохотался. – Какая разница, что я имел в виду… Главное, мы теперь ближайшие соседи в пространстве СНТ, да и во времени… Чаще будем видеться, общаться… И ещё мне понадобятся некоторые ваши профессиональные знания по проблемам, которые давно мучили меня… И сейчас мучают… Вы же имеет доступ к межбиблиотечному абонементу… Мне потребуется заказ на специфическую дореволюционную и иностранную литературу…

– Но вы и сами можете заказывать такую литературу…

– Мне не хотелось бы в этих элементарных процедурах засветить свою фамилию, свой, так сказать, корыстный интерес… А через центральные библиотеки, тот же ваш почтовый ящик, вы могли бы заказывать для меня нужные мне экземпляры, разумеется, с соответствующей оплатой ваших трудов…

– Брать с соседей деньги – это не по-соседски, Николай Демьянович, так что, чем могу… А что не могу, извините, на нет и суда нет… Бесплатно всё будет для вас, под твердые гарантии возврата в срок литературы с рук на руки… Правда, нынче в капиталистических временах свободного рынка система межбиблиотечного сильно деградировала… Но ещё работает как-то, пусть и со сбоями… Так, что не взыщите на задержки и отказы… Но всё будет у нас по-джентльменски и по-соседски, одним словом, как выйдет, так и выйдет…

– По-джентльменски, так по-джентльменски, – с живой улыбкой на устах отреагировал на предложение Николая Николаевича Игнат Демьянович. – По-соседски, так по-соседски…

На собрания членов СНТ Николай Николаевич не ходил из-за вечной нехватки времени, но случайно узнал, что Игната Демьяновича выбрали в правление СНТ и предложили должность бухгалтера, а тот моментально отреагировал:

– От должности председателя правления не отказался бы. А в бухгалтера рекомендую свою супругу, если никаких кан-

дидатур на вакансию бухгалтера не предвидится. Женщина она трудолюбивая, с навыками бухучета давно знакома. Да и на субботниках СНТ хорошо проявила себя. Помните?

– Помним, – хором ответили члены правления, – отлично проявила себя Ирина Игнатьевна.

Так Ирина Игнатьевна благодаря рекомендации супруга стала бухгалтером СНТ, с обязательным трехчасовым присутствием в конторке товарищества по вторникам и субботам для сбора взносов, текущих платежей по электричеству и хозяйству. Потом об этом назначении супруги бухгалтером Николаю Николаевичу рассказал и сам Игнат Демьянович, до этого предложив своему исполнительному и добродушному соседу для посадки кусты смородины, вишни и роскошной махровой сирени.

К тому же, быстро построив свой огромный трехэтажный каменный особняк, обитый снаружи и изнутри деревом, Игнат Демьянович тут же пустился собирать по кругу нужные бумаги для централизации затрат электричества на каждом участке – с выводом всех данных на пульт дежурного в сторожке.

Николай Николаевич удивился:

– К чему такая странная инициатива? Не доверяете показаниям счетчиков в каждом домике?..

– Доверяю или не доверяю, это вопрос вторичный, – ухмыльнулся Игнат Демьянович, – главное, чтобы воры и бомжи не залезали зимой и осенью в пустующие от дачников

дома. Бомжам ведь потребуется электричество для своих нужд. Начнут тратить электричества, а дежурный сторож их на компьютере на своем посту тут же вычислит…

– О своем особняке, небось, беспокоились, Игнат Демьянович, – не так ли?

– Не без этого. Не люблю беспринципных воров, садящихся на шею честным хозяевам…

– Хозяевам жизни?..

– Да, представьте, Николай Николаевич, хозяевам жизни… Чего в этом предосудительного, если хозяин дома и хозяин жизни выступает в одном лице?..

– Вы правы, отчасти, ничего предосудительного в этом нет…

– И все же в бочку меда вы капнули свою изящную капельку дегтя, введя дополнительное словцо «отчасти».

– Это непроизвольно вышло, не судите строго… Скорее ироничное определение «хозяин жизни» меня больше занимает, чем общественное, политическое, ещё какое-то с оттенком злобы и зависти…

– Благодарю за откровенность, Николай Николаевич, и ещё за то, что заказ исторических источников через вашу библиотеку доставляет мне искреннюю радость… Между прочим, на третьем этаже своего выстроенного дома я решил устроить свою научную библиотеку со всем каталогами по проблеме…

– Даже так? С удовольствием глянул бы одним глазком на

ваше научное детище в виде источников…

– Научное значение моих исследований пока ещё не признано авторитетами и общественностью… В конце концов, общепризнанное значение моих опытов по взращиванию редких сортов цветов меня не волнует… Но, как говорится, всё ещё впереди…

– Надежды юношей питают…

– Не только юношей, Николай Николаевич, но и зрелых людей, любящих своё дело…

– Визионеров?.. В смысле провидцев?..

– Не берите в голову, Николай Николаевич… Я тогда открылся вам после того, как здорово принял на грудь хорошей шведской водки… Будьте снисходительны к бахвальствам больше увлечённого, чем заинтересованного в цветочном бизнесе лица… Не обижайте меня за мою неосторожную доверчивость после алкогольного возлияния….

– Я и не собирался вас обижать, Игнат Демьянович, совсем не те чувства и слова, которые, как говорится, под руку подвернулись…

– Извинение, даже в такой странной форме выражения, принято… Проехали все эти странности и прошлые словесные изъявления и всё моментально забыли… Всё пройдёт и проходит, как белых яблок дым… Но я всё же дам вам саженцы белых летних яблонь, в память о нашем сегодняшнем разговоре…

Но через какое-то время, когда уже был выстроен трех-

этажный дом, возведены парники и цветники, настроение Игната Демьяновича дало трещину. Он пришел в только что возведенный скромный деревянный домик Николая Николаевича с опрокинутым лицом и почему-то пожаловался изменившимся трескучим голосом на председателя правления СНТ:

– Нашему председателю поступили жалобы ряда членов товарищества на приобретение мною незаконным порядком дополнительных шести соток. Где документы банковского оформления покупки участка? Где решение общего собрания на предоставление дополнительных шести соток? И ещё в таком духе вопросы – понимаете?..

Николай Николаевич пожал плечами и ответил смущенно вопросом на вопрос:

– А что я должен понять и уразуметь без насилия над мозгом? Что вы каким-то образом по выражению ваших дам заинтересовали председателя и ключевых фигурантов, ответственных за выделение вам дополнительной площади?

– Это несущественные, хотя и важные для профанов детали… Главное в том, что какие-то влиятельные люди в нашем СНТ и вокруг него дождались «точки невозврата» с возведением дома, парников, цветников… И потом – кошмар и ужас…

– Что потом?..

– А потом мне выставили счет, бац: ждите, батенька, изъятия незаконно полученной площади и бульдозера на участок

для сноса цветников и парников…

– И как вы ответите, Игнат Демьянович? Чем я могу помочь вам в вашем деле?

– Самым простым образом… Мы вместе пойдем и подарим букеты цветов с моего участка, с тех дополнительных незаконных шести суток… Председателю и тем ключевым фигурантам, которые катят на меня бочку и грозят приглашением ко мне в гости бульдозериста и бульдозера с письменным решением прокуратуры и судебного исполнителя…

– Может, вы всё преувеличиваете, Игнат Демьянович, как всегда в подобных случаях, у страха глаза велики…

– У меня нет никакого страха перед фигурантами травли, интриганами, требующих от меня увеличения суммы гонорара за «незаконную сделку. – Перебил Николая Николаевича Игнат Демьянович твердым и уверенным голосом. – Просто мне легче действовать, идти ва-банк с союзником-соседом…

Когда Игнат Демьянович срезал букеты роз и пионов для председателя и фигурантами-интриганами, Николай Николаевич заметил краем глаза, что он при этом чего-то шепчет замогильным голоском. Потом они вдвоем с тремя букетами обошли участки председателя и двух фигурантов, катящих бочки на члена правления Игната Демьяновича. Всё это было на уровне гибельной ирреальности происходящего: все диалоги при дарении букетов выветрились из памяти Николая Николаевича в тот же день, но осталось предчувствие

скорого исчезновения принимающих цветочные дары.

А еще через какой-то срок выяснилось нечто таинственное и зловещее: Председатель через неделю-другую скоропостижно дал дуба, и ещё чуть позже через полтора месяца два других фигуранта-интригана тоже слегли под гнетом какой-то неизлечимой болезни сродни напасти, быстро сгорели и также тихо, мирно сыграли в ящик…

На очередном годовом общем собрании членов СНТ Игната Демьяновича единогласно избрали председателем. Ввели в штатное расписание должность заместителя председателя, на это место решением собрания перевели из бухгалтеров хорошо проявившую себя в работе Ирину Игнатьевну. А освободившееся место штатного бухгалтера СНТ – опять же решением общего собрания – заняла Мальвина Игнатьевна. Все участники годового собрания получили от счастливого избранного председателя по шикарному букету и, самое удивительное по разумению Николая Николаевича, никто не слёг и не дал дуба, наоборот, приобрели заряд душевной бодрости.

Вопрос, который тогда, во время избрания председателем Игната Демьяновича, мучил Николая Николаевича – где же он набрал столько цветов для подарков? неужели всё это с дополнительных шести соток? – быстро получил разрешение. Уже тогда Игнат Демьянович на нескольких других участках с ведома хозяев устраивал цветники редких экземпляров роз, тюльпанов, астр, хризантем, ирисов, георгин,

пионов, левкоев… И всё это для растущей славы первого цветовода Московской области Игната Демьяновича…

Глава 3

Рассматривая обширную библиотеку Игната Демьяновича на верхнем третьем этаже его дома, где были скопированы и представлены в виде книг с твердыми обложками труды, добываемые по линии межбиблиотечного абонемента, Николай Николаевич мысленно рассуждал о природе визионерства вообще и цветочного визионерства соседа, в частности. Визионером он без тени насмешки называл своего энергичного и предприимчивого соседа, который имеет четкое представление о том, как должно выглядеть будущее ближайшей перспективы, и даже отдаленное туманное будущее, к тому же может обозначить конкретные значимые шаги по воплощению своего «природного видения» в жизнь. Почему-то в мозгу Николая Николаевича во время осмотра роскошной библиотеки соседа пульсировала родничком банальная мыслишка, что в русский язык определения «визионер» пришло из французского: visionnaire с латинскими конями дефиниции (visio «видение»).

Причем с одной стороны, визионера можно было определить как провидца, прорицателя-пророка, а с другой стоны, как мечтателя, оторванного или не оторванного от реальной жизни. В приложении к цветочному визионерству соседа дело Игната Демьяновича приобретало явно положительную окраску, хотя фаната-визионера всегда можно припеча-

тать как странного фантазера, который на волне своего хобби предается непрактичным фантазиям. Но мысль о непрактичных фантазиях цветочного визионера-фантазера Николай Николаевич тут же прогнал. Он уже видел практический выход своего соседа, ведь ему зачем-то важно было стать председателем СНТ, расширять свой цветочный бизнес на многих участках, не только ориентируясь на рынке цветов, но представляя и предвидя там новые тренды.

Николай Николаевич с удивлением и даже восхищением замечаю, что его сосед, цветочный визионер Игнат Демьянович фокусируется не на том, что уже есть на отечественном цветочном рынке, но и на том, что может быть в ближайшей и отдаленной перспективе, и использует это интуитивное видение для развития своего бизнеса. На глазах Николая Николаевича вокруг его соседа крутились какие-то темные личности – поставщики и перекупщики оптом и в розницу – приезжающие в СНТ на своих иномарках, отвозящих выращенные цветы куда-то по точкам продаж. Куда? Это было совсем не интересно Николаю Николаевичу, радующемуся буйному цветению махровой сирени на своём участке, сирени редкого сорта из коллекции Игната Демьяновича.

– По вашему немного ошарашенному видом библиотеки лицу, Николай Николаевич, я вижу, что книги произвели на вас знаковое впечатление – не так ли?

– Это как сон в волшебный день, Игнат Демьянович…

– Не спите, сосед, это явь…

– Когда вы стали собирать свою редкую библиотеку, Игнат Демьянович?

– Давно, ещё с юности, вместе с Ниной… Потом к этому делу приобщил Ирину с Мальвиной…

– Им это по душе и по сердцу ваше хобби?

– Почему хобби? – как-то непроизвольно всполошился Игнат Демьянович, – это дело жизни…

– Почему же при нашем знакомстве вы представились бухгалтером?

– Чтобы не вспугнуть вас… Что бы вы подумали обо мне, если я бы представился визионером… А так, Николай Николаевич, всё было обставлено скромно и со вкусом… Семейство бухгалтеров, не подкопаешь к приземлённой сущности профессионалов-бухгалтеров с младых ногтей…

– Да, действительно, не подкопаешься, – как-то глупо заулыбался Николай Николаевич, вспомнив о жизненных целях соседа, о которых тот неожиданно проболтался в вагоне электричке, как во сне визионера, после принятия на грудь шведской водки в значительном количестве. – Да и стоит ли копать и подкапываться?..

Вдруг в библиотеку ворвались чем-то всполошенные Игнатьевны – Ирина и Мальвина. В руках у Мальвины был стакан с водой, а в руках Ирины какие-то таблетки на блюдце.

– Вот вы где, – выдохнула Ирина, – а мы вас в саду искали… Потом уже поняли, что вы в библиотеке…

– Папа, ты же лекарства сердечные не принял по расписа-

нию, – укоризненно прошептала Мальвина. – Нехорошо режим и предписание домашнего доктора Марка Абрамовича нарушать.

Николай Николаевич выжидающе глянул на Игната Демьяновича и задал неуместные в данной ситуации вопросы:

– С каких это пор, сосед, у вас проблемы с сердцем возникли?.. Вы ведь раньше не жаловались… Вы ведь производили впечатление абсолютно здорового человека – не так ли?.. И «Абсолют» тому свидетель…

Игнат Демьянович оценил шутку и сдержанно улыбнулся одними губами. Он уже открыл рот, чтобы объясниться, но его опередила супруга Ирина Игнатьевна.

– После скоропостижной кончины председателя СНТ Ивана Ильича сердце у Игната Демьяновича расшалилось и…

Тот зыркнул острым гневным взглядом по глазам супруги, и та моментально оборвалась на невысказанной вслух заготовленной, созревшей в мозгу фразе…

У Николая Николаевича созрел новый вопрос, потому что в тумане его памяти наметилась какая-то связь между двумя разрозненными давними событиями: во-первых, они когда-то вдвоем с Игнатом Демьяновичем преподнесли букет цветов бывшему председателю, а во-вторых, оказывается, председатель СНТ, получив букет, скоропостижно скончался. Он хотел спросить соседа о взаимосвязи двух, казалось бы, разнородных событиях, но его опередила хлопочущая

Ирина Игнатьевна.

– Прими лекарства и запей… Помни о предписанном режиме доктора и своевременном приеме сердечных лекарств строго по расписанию… Иначе приступа сердечной недостаточности, как было у тебя раньше, не избежать, с самыми нежелательными последствиями…

– А когда это у вас первый раз случилось, – задал свой абсолютно бестактный вопрос Николай Николаевич.

– Забудьте об этой стороне моей жизни, – строго сказал Игнат Демьянович, не отводя своих глаз от глаз Николая Николаевича, – забудьте…

Николай Николаевич почему-то на миг задумался о неожиданном предложении соседа о невмешательстве в «эту тайную сторону его жизни» и, действительно, забыл на время или навсегда о сердечном приступе соседа после того, как бывший председатель СНТ, получив их роскошный букет роз, скоропостижно скончался на рабочем месте в конторке.

А Игнат Демьянович, словно для закрепления устного приказа об уничтожении связи своего сердечного приступа с другими событиями в жизни СНТ тихим менторским голосом наставлял Николая Николаевича:

– Ведь и сердечным приступом можно правильно воспользоваться, сосед… Когда сдавило в груди, воспламенилось все внутри в левой стороне, сначала напал страх: как глупо все и безнадежно, как мелки наши суеты и суетные поступки

и проступки… Зачем все это?.. Суета сует и корыстное помешательство на жизненных благах… Зачем мировые блага, слава, деньги, когда смерть с косой в руках рядом с тобой стоит, совсем вблизи… И смерть уже ничем, никакими заклинаниями и просьбами о продлении нелепой короткой жизни уже не отгонишь… Всё тогда могло показаться чепухой и чушью на постном масле… И тут же новый толчок в мозг – а ведь есть чудо цветников и парников цветочных – и это у меня смерть не может отнять… Смерть – губитель цветов, а я их творец и кое-что знаю о цветочном природном таинстве… Нельзя мне рано и бездарно уходить из жизни, есть у нас ещё в жизни цветочные дела и обязанности, которые никому кроме меня не по силам…

Николай Николаевич слушал соседа, как завороженный, не пропустив ни одного слова, ни одного звука из его тирады, только восторженно выдохнул:

– Это прекрасно – цветочный сад…

– Так пойдемте в него, в мой цветочный сад, дорогой Николай Николаевич… Я там вам кое-что продемонстрирую… Женщинам это видеть не обязательно, пусть остаются дома и не подходят к окнам, проявляя излишнее, избыточное женское любопытство… Ирина, Мальвина, ваше лекарство я уже принял… вы свободны… занимайтесь своими делами…

Они спустились в сад и остановились по знаку Игната Демьяновича у цветника пионов.

– Чувствуете запахи пионов?

– Чую…

– Обычно, профаны говорят, что не чувствуют запахи пионов и георгин. Как ни странно, они в чем-то правы. Эти тонкие запахи, летучее, почти неуловимое амбре цветов, не для профанов… Как и красота тех же пионов… Ума профанов хватает лишь на то, чтобы зарифмовать «пионы» и «шпионы». А я вот сейчас на ваших глазах соединю запахи и красоту пионов… Вы же видите, что пионы фантастически, дьявольски красивы… Скажете, что нет?..

– Скажу, да… И красивы невероятно и пахнут просто божественно… Мой мозг воспринимает сигналы запахов и глаза упиваются красотой цветов… Действительно, это фантастика…

– Вот видите, Николай Николаевич, вы первым упомянули феномен восторженного природной магией цветов вашего мозга… Без всякого насилия над ним с моей стороны… И я вам в мозг пошлю третий сигнал, кроме запахов и визуализации красоты цветочной, которую вы ощущаете и без моих наставлений… Обращаю ваше внимание на то, что вы первым произнесли вслух «мозг» – не так ли?

– Да, так.

– Не хватает слова. Нескольких сигнальных слов для полной триады. Вы ведь по моей библиотеке сообразили, чем я занимаюсь… В природной магии цветов для полной триады не хватало сторонней мысли, выраженной в кодовом слове, в кодовых словах… Забудьте о гениальной строчке, мол,

мысль изреченная есть ложь… Сейчас вы убедитесь в ее неправоте именно здесь и сейчас, купаясь в запахах пионов и в волнах вдохновляющей мозг и душу человека красоты…. В другом месте и в другом времени строка поэта правильна и правдива… Но не здесь и сейчас для вас…

Он немного наклонился в сторону Николая Николаевича и негромко, спокойно произнес несколько знаковых слов, смысл которых был понятен, но магия, вряд ли. И в тот момент что-то потаенное вонзилось в мозг Николаю Николаевичу, как будто туда ввинтили маленький, но стремительный шурупчик, пронизывающий мозг насквозь по праву воителя чуда и новых смыслов жизни. Николай Николаевич от полноты чувств и мозговой всепроникающей атаки кодовых слов неожиданно, цепляясь за воздух, чуя свое неустойчивое положение в мире, оступился и опрокинулся на клумбу пионов… Рухнул без внешних признаков сознания, но с внутренним душевным ощущением полноты потрясенного сознания… Он встрепенулся и ожил в следующий момент, когда Игнат Демьянович протянул ему с высоты своего роста руку.

– Подымайтесь, сосед, надо же, какой вы чувствительный и восприимчивый к слову субъект…

Поднявшись и даже не отряхиваясь от цветочной пыльцы и росы, Николай Николаевич только спросил:

– Что со мной было?

– Триада в действии.

Когда они входили в дом Игната Демьяновича, сосед сдержанно предупредил Николая Николаевича:

– Женщинам ни слова о нашем эксперименте в саду, о том, что там с вами приключилось…

– А что приключилось, – спросил осмелевший Николай Николаевич, – вы имеет в виду, почему-то я оступился и упал в цветочную клумбу ничком, или что-то другое?

Тот не стал вдаваться в детали, только повторил с усилением степени жесткости в голосе:

– Ни слова.

– Понял. Из понятливых. Но мне бы хотелось услышать от вас какие-то объяснения. Что вы мне сказали, что я…

– Как-нибудь потом на досуге поговорим об этом, когда вы принесёте мне новую порцию заказанной мной литературы… И так всё с доставкой книг безумно медленно… А вы торопите меня, чтобы я вам в один миг выдал все секреты природной цветочной магии и фантастической триады…

– Потороплю наших библиотекарей, чтобы что-то ускорилось в процедуре межбиблиотечного абонемента… Хотя вы уже догадываетесь, что много и в этой сфере рушится, если не рухнуло… Извините..

– Не надо извинений, и так все ясно – поруха… Но вы теперь сами должны дойти до многих концептуальных вещей «магической триады», раз на собственной шкуре, на собственной работе мозга всё испытали, став объектом и субъектом нашего эксперимента…

– Это был эксперимент, Игнат Демьянович?

– Конечно, а как вы думали, Николай Николаевич?

Вчетвером пили чай с Ириной Игнатьевной и Мальвиной Игнатьевной. Алкоголя не было, зато в чай добавляли плоды и листья чёрной смородины и вишни. Откуда было знать Николаю Николаевичу, что чудный запах смородины и вишни долго будет его преследовать, когда он позже пытался разобраться со своим потрясенным сознанием… Вряд ли взломанным, скорее потрясенным…

Подумалось за чаепитием с мрачным напором горьких мыслей о странности всего происходящего: «Может, хлебнуть немного коньячка для поправки здравия».

На эту невысказанную вслух мысль почему-то моментально отреагировала Ирина Игнатьевна.

– Николай Николаевич, коньяком марочным вас не угощаем только потому, что домашний доктор категорически запретил крепкий алкоголь Игнату Демьяновичу. Потянется за вами и сорвется. А ему режим выполнять надо, лекарства, которые он принимает, несовместимы с крепким алкоголем, тем же коньяком.

– Старорежимный домашний доктор, однако, – усмехнулся Игнат Демьянович. – Но не огорчайтесь, Николай Николаевич. Когда возвратитесь к себе на дачу, постарайтесь всё обдумать на трезвую голову. В любом случае, трезвые мысли о триаде окажутся полезней, чем мысли искаженные алкоголем… Вот вам и подсказка: выбирайте, что вам любо, кодо-

вое слово, желательно своё, выстраданное всей вашей жизнью, вкупе с цветочной природной магией, или алкогольная наркотическая капля, тоже призывающая «на подвиги» в кавычках? У вас есть свобода выбора, воспользуйтесь ей правильно и эффективно и приблизитесь к тайне бытия…

Глава 4

«Осознай все, как есть, поверь лишь себе, ничего подобного ты не испытывал. Серьёзно. Совладай с собой на основе нового опыта цветочной магии и триады. – Так рассуждал Николай Николаевич, придя в свой дом. – Хорошо, что я предложил соседу отгородиться друг от друга не сплошным высоким забором, а невысокой оградой из тонкой проволоки, рабицы. Рядом со мной его злополучные пионы, так нюхай их, вдыхай их тонкий аромат… Потом сам себе устроишь такие же цветочные клумбы для… Для чего?.. Для выхода на новый уровень восприятия мозгом чего-то тайного, непонятного пока для меня, запредельного, удивительного, чудесного…»

Он уже долгие годы ничего подобного не чувствовал, именно по тем причинам, что упомянул сосед: не было желания откликнуться на природную магию. Желание взбодриться чем-то неизвестным и вдохновляющим время от времени просыпалось. Но как-то мгновенно спадало всё, нивелировалось, выпадало в осадок. И всё же была часто подступавшая к сердцу тоска по нереализованным планам и мечтаниям, которые иногда побуждались в сердце и душе после ярких впечатлений или после блаженных часов скорострельных разговоров с близкими душами. Сосед – близкая душа? В какой-то мере, да, близкая и пытливая душа. Раз сосед по

случайным проблескам его сознания в обсуждении момента феномена цветочной магии оперся на него, продемонстрировал власть и чудо природного тайного начала, влияния цветочной магии на человеческий мозг. А для рядового обывателя, каким считал себя Николай Николаевич, это давно перестало быть жизненной актуальной проблемой. К тому же жажда новых знаний и впечатлений напоминали грусть по ранним этапам молодости, и потерянной, нелепо оборванной нити прежних увлечений и мечтаний…

И от самих этих грустных размышлений о своей собственной недореализованности, даже появлялось мягкое чувственное ощущение новизны. А что, если действительно попробовать вернуться в этот странный, весело журчащий поток, да, поток жизни, в его чудном соцветье красок с цветочными бодрящими запахами. Николай Николаевич вспомнил эти цветочные запахи юности и молодости, разбуженные духом пионов на клумбе сада Игната Демьяновича и его кодовыми словам, и почему-то не нашел ничего лучшего сказать, как пожаловаться себе же на собственную незадавшуюся судьбу:

– Стар я уже для таких новых прорывных дел и потрясающих душу жизненных проектов…

И тут же остановил себя, скомкал жалость к себе, обывателю и неудачнику, вспомнив, как что-то новое и потаенное его кольнуло в душу, в воспламенившийся мозг шурупчиком мысли нетривиальной. Подумал мрачно о своём:

«Напрасно я пытаюсь вспомнить то, что мне сказал сосед-визионер. Это всё в прошлом. А в настоящем для меня важнее самому нацелиться на то, что было упущено по молодости, но то, что воистину интересовало, двигало, будоражило. Ведь когда-то по примеру Высоцкого я научился играть на гитаре, на трех аккордах сочинял музыку, песни, разумеется для девиц, чтобы те не отвергали, а притягивались музыкой, давали, наконец… Так и жену к себе притянул… А потом быт, работа… И уже было не до гитары… Быт сжевал барда-менестреля, а ещё странный неразвитый дар врачевателя, когда мне удавалось голыми рукам, приложенным к голове жены, дочки, устранять их головные и прочие телесные боли… Но и этот дар не развился, забылся за ненадобностью… А сейчас я вспомнил почему-то о своём скромном даре барда-менестреля и врачевателя… Только раньше я иногда пытался будировать тот же дар менестреля-гитариста порцией хорошего алкоголя, коньяка, в первую очередь… Но ведь об ошибочности тонизирования рецепторов, нейронных сетей в мозгу предупредил осторожно сосед… А через цветочную магию запахов никаких физических побочных эффектов нет и не предвидится в будущем… Чего ты об этом переживаешь. Цветочные запахи почему-то именно у него легко и естественно нашли те рецепторы и узловые точки нейронных сетей в моем живом мозгу, чтобы активизировать специфические ощущения, в которых я, оказывается нуждался… Без всякого насильственного раздражения, а

естественно и непринужденно… И я от неожиданности споткнулся и упал на клумбу пионов…»

Он был просто уверен, что цветочная природная магия решит многие его бытовые проблемы, охлаждение супружеских отношений с женой, да и с дочкой и её семейством отношения наладятся. Он ещё долго размышлял на тему развития своего практически загубленного дара менестреля-гитариста, да и восстановления дара доморощенного врачевателя, доставшегося ему от бабки-кудесницы, запросто снимавшей голыми руками порчу и головные боли у паломников, валивших к ее деревенскому дому со всех сторон света.

Во время своих спонтанных размышлений он, напоследок, отметил, что сам сосед Игнат Демьянович был похож на странную неизбывную силу природы, тем более, с опорой на цветочную магию, он был фанатически преданным своему делу первопроходца-визионера, с выстраданными по жизни суждениями и мнениями по всем интересующим его вопросам. То, чем занимался на работе Николай Николаевич, соседа совсем не интересовало. Но он с редким энтузиазмом уцепился за возможности соседа снабжать его редкими доставаемым книгами и статьями по межбиблиотечному абонементу научной библиотеки почтового ящика. Любил Николай Николаевич увлеченных людей, фанатов своего дела жизни, потому и живо откликнулся на просьбу и помогал, чем мог. И ещё поможет, и сам за советами обратится в ходе развития своих способностей и даров из прошлой жизни. И

с этими мыслями он вышел из своего дома и подошел к рабице, чтобы надышаться тонким ароматом пионов. Подумал как-то автоматически, свысока, что в прошлой жизни он никогда не уловил бы, не понял этот тонкий аромат, запах вечерних пионов. А сейчас – пожалуйста, о это чувствует снова, наполняет свои лёгкие, свой мозг ранее невиданным и неслыханным ощущением полноты и восторга жизни.

Чтобы не вызвать подозрения у соседей действиями заурядного бытового алкаша, – вот назюзюкался и вдыхает аромат клумбы. Чтобы алкоголь развеять или смешать винные пары с цветочными ароматами, он не долго задержался у забора из рабицы. Поспешил к себе домой к гитаре, которую по инерции прихватил из своего супружеского гнезда. Ведь он давно ничего не бренчал на гитаре жене, тем более, замужней дочке, которых на дачный участок никакими калачами не выманишь. Не интересовала его домашних ни дар менестреля-гитариста, ни задрипанный участок на шести сотках. Но только он пять же автоматически и свысока заметил, что, снова поймав «приход», вдохновение от цветочной природной магии, он шел в свои пенаты, выложенные изнутри самой дешевой вагонкой, озвучить вертящиеся в его мозгу какие-то непонятные неизвестные пока мелодии. Он просто обязан разрядить эту толпу мелодий, накрывшей его своим звучанием, выбрать одну-другую для песен, которые он обязан, под кураж, сочинить сегодняшним вечером, ночью.

«Гитара, наверняка, расстроенная, – подумал он мгновен-

но без всякой обреченности, даже весело и озорно, – так настрою по ходу дела, в творческом порыве авторского музицирования. Главное я что-то ощущать стал – чувственное, трепетное, музыкальное, надышавшись пионами. А Кодовые слова. Ничего вслух не было мной сказано. Просто свежая мысль: начни новую жизнь с новым музыкальным сочинением – и баста! – все будет хорошо и все получится».

Простое, «как два пальца об асфальт», чувственное смещение в восприятии, лёгкое трепетание от цветочных запахов клумбы пионов, желание творить и сотворить нечто путное на раздолбанной гитаре. Но, когда он по узкой внутренней лестнице дома, взобрался на второй этаж, в маленькую комнатенку, где под диваном хранилась гитара его молодости, бодрое весёлое ощущение полноты жизни набрало свою животворящую силу. И он мгновенно и резко сфокусировался на своих внутренних ощущениях, напевая вслух самую яркую запоминающуюся мелодию из толпы оных, копошащихся в его мозгу. И почему-то при напевании чудной ритмичной и мелодичной одновременно мелодии вдруг родились какие-то случайные слова, сначала без ритма и рифм, а потом уже с нужным ритмом и единственно необходимыми для песни рифмами…

И ежесекундное изменение своего психического состояния, с мелодией, словами, потребовали от него быстрее взять гитару, мгновенно за пару пассов настроить необходимый тембр звучания, – и тут же заиграть и запеть сразу же пер-

вый куплет. И все было в унисон цветочному настроению и вдохновению, ничего не выпадало и не скособочилось. Он почему-то подумал о том, сколько чудесных мелодий и сочиненных стихов исчезли из его памяти только потому, что под рукой не было гитары, не было бумаги с пером, чтобы воспроизвести все на месте, на бумаге. Но тут же прогнал отвлекающие от процесса сочинительства ненужные пустопорожние мысли. То было в той прошлой жизни. А в нынешней цветочно-магической жизни все случилось вовремя, и все под рукой – и гитара, и лист бумаги с шариковой ручкой на столе.

Он чувствовал, как ползущие с крыши мысли и слова заползали в песню, ложились в русло ритмичной и мелодичной музыки. Не прочь от мозга все это ползло, а в нужную сторону. Плевать, что он не знал нотной грамоты, не мог положить все сочиненное на нотную бумагу, но ведь недаром изобретены смартфоны со встроенными микрофонами и магнитофонами. И летящие навстречу мозгу мелодии куплетов и припевов не могли разминуться с мозгом. Ему навстречу ползли и летели нужные слова, ритмы и рифмы и они не могли пролететь мимо цели. Все было гармонично и специфично для его нового чувственного состояния записного сочинителя. Раньше такого с ним не бывало, откуда-то бралась энергия заблуждения, расслоения слов на зерна и плевела: зерна в куплеты, плевела прочь, как все избыточное и ненужное. И еще почему-то цветочные запахи принимали черты

и проблески милых незнакомых лиц, явно не враждебных, а сочувствующих процессу сочинительства и самому сочинителю.

Он воспринимал все это в естественном гармоничном ключе, без всякого насилия над собой. Он автоматически вспомнил, как пытался сочинять мелодии и песни под влиянием алкогольных паров: там был эффект насилия над собой и мозгом. А здесь только под влиянием цветочной природной магии все казалось удивительно естественным, не насильственным, скорее, дружелюбным и милосердным, и через некоторое время возник эффект ускорения событий… Трудно было завершить творческий процесс, поставить точку, вырубиться, отключиться…

Но ничего лишнего – до последнего восторженно-физического предела усилий. Никаких нездоровых вариантов развития творческих устремлений, наоборот, концентрация мыслительных мозговых стараний без тщеты и ущемления воли, свободы воли. Какое-то ощущение мозгового и душевного здоровья от проделанной работы, которую и работой-то трудно назвать. Скорее, это прихоть и радость сотворения чего-то чудного от избытка сил и верного не растраченного здоровья. Но здесь было что-то другое, какая-то резкая цветочная реакция, чудо природной магии клумбы, не похожая ни на что из прошлого житейского опыта бытия и быта.

Когда было сочинено три классных песни, когда все это было записано на смартфон, возникло новое желание: сооб-

щить о твоих достижениях всему миру. Можно было бы выслать файлы песен старым знакомым, даже послать их на какие-то радиостанции. Только вдруг все эти суетные желания уперлись в плотную ледяную стену – а зачем? кому это нужно кроме тебя?

И было какое-то бесчувственное бессильное ощущение, мол, тщеславная суета сует только развращает воображение. Неужели ты сочинял только для признания, славы, для денег в низменных устремлениях насытиться и обогатиться? Зачем и кому нужно твое корыстное сочинительство под влиянием цветочной природной магии на полную катушку?..

От ощущения ненужности только что сочиненного, от нелепости корыстного распорядительности своим даром вдруг неожиданно стали напоминать хорошо знакомые ранее, казалось бы, давно забытые головные боли. С этим надо было что-то делать. Но что? Хоть применяй прежний опыт врачевания самим доморощенным врачевателем после сеанса терапии цветочной магии. Но надо было на что-то же опереться – а на что? – когда под кураж сочинительства, в пылу трепетного ощущения полноты духовитой и гармоничной жизни легко были разрушены все прежние опоры. Но было все же странное ощущение, что после первого порыва сообщить о своих достижениях всему миру, всё-таки возобладало желание избегать чужих людей, чуждых душ. И с этим ощущением сотворения песен только для близких душ можно было бы попробовать возобновить свой прежний опыт

врачевателя. Вдруг этот наследственный дар врачевания головных болей не пропал окончательно?

– Вот так в некоторых случаях герои неизвестных никому произведений и накладывают на себя руки…

Так пошутил над собой и своим странным даром Николай Николаевич. Он обнял ладонями голову, стал ощупывать голову, потом перестал двигать ладонями, пальцами уперся в нужные болевые точки и очень быстро отпустил головную боль, оставив голове чёткое, неискаженное болями сознание просветления.

– Слава богу, все цело и здорово после цветочного помешательства… Нет, после цветочной благодати… Слава богу, я не чувствую себя уязвимым злом, напастями, суетой сует…

Он заснул бодрым и уверенным, что в его жизни ещё возможны подарки, но излишнюю самоуверенность легким напряжением воли прогнал, с единственной целью, чтобы сегодня ему приснились добрые здоровые сны.

Глава 5

Впервые за долгое время, после гитарных ночных импровизаций поздним вечером и ночью, Николай Николаевич летним утром воскресного выходного дня вышел в сад и задумался на тему, которую раньше никогда не прокручивал в своём мозгу. Что же делать, как жить дальше после своего нового чувственно-метального опыта с пробуждением своих даров гитарной импровизации и врачевания? Он с каким-то внутренним страхом осознал, что понятия не имеет, как будет развиваться ситуация с побуждением своих задремавших, почти исчезнувших талантов. Ведь в потенции развитие даров может пойти в любом направлении. Вспомнил коронный вопрос своего начальства на его предприятии: «А как вы это всё себе представляете», когда он обращался по инстанции с каким-то кардинальным предложением по улучшению или оптимизации какого-то производственного процесса.

Вот и спросил себя Николай Николаевич в то утро: «Как ты, старик, всё это себе представляешь?» Специально ввел фамильярное обращение к себе «старик», хотя какой он старик в свои неполные сорок лет. Только знаковая отметка «сороковника» его немного напрягала: одно дело ощущать себя тридцатилетним «пацаном», пусть уже опытным мужем верной ему жены-красавицы и отцом взрослой дочери, другое

дело – переход в новый статус «сорокалетних». Почему-то вспомнил песенку из репертуара блатного шансона с наказом ухватить перо счастья до рубежа сороковника, позже это будет сделать невозможно в силу банальных причин пожилой нездоровой зрелости и старости. Недаром на рубеже сороковника, в свои 42 года загнулись и сыграли в ящик великие шансонье, которых он с женой любил с особой страстью и нежностью, Высоцкий и Дассен, абсолютно разные по сути, но одинаково любимые. Потом накатили мысли: зачем тебе развитие дара гитарного импровизации, если ты не удосужился даже выучить нотную грамоту? Впрочем, Высоцкий тоже, говорят, был не в ладах с нотной грамотой, а Дассену эта грамота и на дух не нужна, за него песни писали другие композиторы-профи. Но без песен Высоцкого и Дассена Николай Николаевич не представлял своего пошлого, настоящего и будущего. А вот если он по-настоящему увлечётся гитарной импровизацией, встанет на стезю барда-менестреля, тем более, домощенного шансонье, то здесь может случится что-нибудь странное и опасное, тёмное, когда что-нибудь пойдёт не так, как он думает. Изнутри звенел звонкий тонкий ручеек интуиции: «Будет беда, начнётся кошмар, если ты увлечёшься снова тем, что давно позабросил за ненадобностью…»

Но я оборвал себя, свои мрачные мысли о своем даре гитарного импровизатора, менестреля-барда. «Лучше уж пользоваться изредка восстановленным тёмным даром народно-

го целителя, накладывая на себя и на близких тебе людей свои золотые руки врачевателя, чтобы отводить головную боль, душевные и телесные муки. Некоторое время он стоял у проволочного забора с соседом без движения, уставившись на вязь рабицы, снова радостно внюхиваясь в запахи росных пионов и георгинов. Он пытался оценить ситуацию, возможно, самому инициировать через соседа процесс посадки клумб пионов и георгинов на своём участке. Но почему-то из-за стеснительности быстро решил, что это все можно отложить на неопределенное время…

Но неожиданно Николай Николаевич просто запаниковал, представив, как из окон своего роскошного дома на него, как на конченного идиота, будут глядеть Игнат Демьянович, Ирина Игнатьевна и Мальвина. Он будет принюхиваться, втягивать в лёгкие, мозг цветочные ароматы пионов и георгин, как сейчас, а на него с усмешкой будут глядеть смешливые соседи, тыкать пальцем на него и крутить пальцем у виска, мол, совсем сбрендил сосед, помешался на цветочной природной магии.

Николай Николаевич глубоко вдохнул, сунул презрительно, с вызовом соседям руки в карман, дернул щекой, мысленно воображая, что он делает рожицу или «козью морду» соседям, мол, отвяжись, наваждение цветочной природной магии…

Мгновенно включил в сознании новый свет просветления, покоя и независимости, повернулся спиной к саду с пиона-

ми и георгинами, несколько секунд разглядывал свое неказистое, но хорошо знакомое свое тесное двухэтажное жилище без фундамента, «на курьих ножках». То есть домик-времянка на бетонных столбиках, за возведение которого он выложил около шести с половиной тысяч долларов. Почему-то подумал, что возведение трехэтажного особняка соседа обошлось тому на полтора-два порядка больше. Подумал равнодушно, без толики зависти и тени, даже улыбнувшись своим мыслям, мол, ему, счастливцу, попался хороший сосед. Вспомнил песенку Пьехи про доброго соседа-трубача и строки стихов какого-то барда: «Мне сосед хороший нужен, у меня плохой сосед». С этими музыкальными воспоминаниями о соседях он уже сделал пару шагов к крыльцу своего дома, но тут из-за забора его окликнули.

– Доброе утро… Салют, Николай Николаевич, я сейчас к вам зайду… Не возражаете, я вам помогу сделать клумбы пионов, георгин и левкоев, примыкающих к забору?

– Доброе утро, Игнат Демьянович, – весело отозвался Николай Николаевич. – Отлично, я жду вас…

Он шагнул внутрь своего дома со смешливыми и радостными мыслями: «На ловца и зверь бежит… Только кто из нас ловец, а кто зверь на природном цветочном фронте без границ… Нам, выходит, одновременно пришла в голову идея совместить дополнительно, комплементарно клумбы пионов, георгин и левкоев по разные стороны злополучной рабицы… Может, и рабицу аннулировать к чёртовой матери?..

Но пусть сосед сам проинтуичит и предложит, ибо инициатива относительно слабых перед сильными мира сего всегда наказуема… Пусть он, а не я заикнётся о неуместности забора, мне как-то неловко и глупо выступать с идиотским предложением первой жертвы цветочной магии…»

Потом, забравшись на второй этаж, он призывно окинул комнату барда – менестреля стремительным острым взглядом, взял в руки гитару, сделал несколько аккордов сочиненной вчера мелодии. Потом ещё несколько аккордов второй сочиненной мелодии. Перед третьей вспомнившейся мелодией сделал паузу, почему-то почувствовав себя снова, нетерпеливым, неудовлетворённым из-за того, что вчера вечером и ночью сочинил только три мелодии и три песни, а надо бы больше. Потому что наугад из толпы мелодий, вертящихся в его голове, взял только первые подвернувшиеся под руку, а не те, которые могли быть много лучше и качественней, профессиональнее…

Скоро он понял, что притягивает его взгляд, как магнитом. Это был смартфон с записью коллекции дисков с песнями Высоцкого и Дассена, а теперь там были записаны и три новых сочиненных авторских песни неизвестного миру барда-менестреля без претензий на известность, славу и деньги. Николай Николаевич ещё раз взял несколько аккордов на своей, казавшейся раздолбанной гитаре. Но она была удивительным чудесным образом хорошо настроена. «Неужто я так быстро и профессионально ее настроил во время вче-

рашнего сочинительства, – обрадовался и ужаснулся чему-то Николай Николаевич, – этого не могло быть, потому что такого не может быть никогда…»

Снизу постучали. Николай Николаевич уже спускался сверху вниз, почему-то с гитарой, весело крича:

– Так ведь открыто… Я не закрывал ведь дверь, Игнат Демьянович, входите, гостем будете…

– Сначала посадим пионы с георгинами и левкоями, – Игнат Демьянович зорким острым взглядом стрельнул по гитаре в руках соседа, – а потом я сделаю вам оригинальное финансовое предложение, связанное с вашим гитарным творчеством, от которого вам будет трудно отказаться.

– Финансовое предложение? – Николай Николаевич удивлённо пожал плечами. – Какого свойства?..

– Сначала оформим у вас клумбы моих редких сортов цветов… Видите, я взял даже специальные лопатки копки и посадки цветов для себя и для вас…

После посадки корневых луковиц цветов, оформления трех клумб вдоль заборчика рабицы – пионов, георгин, левкоев – Игнат Демьянович, снимая перчатки, обратился к соседу:

– Вот какое, значит, дело, Николай Николаевич, – он старался придать своему голосу строгую деловитость с некой изюминкой соседской доверительной подначки. – Есть такое понятие у деловых, дружески расположенных друг к другу людей… Ты мне, я тебе… В нашем случае: я вам цветочную

магию под носом, а вы мне в ответ… – Он замялся и сделал значительную паузу. – Вы окажите одну услугу мне и Мальвине…

– Какую услугу?..

– Мальвине вы дадите несколько уроков на гитаре… – Видя, что его просьба удивила, даже ошарашила Николая Николаевича, он уточнил предложение. – Мы с Ириной и Мальвиной случайно подслушали ваши музыкальные импровизации на гитаре, даже исполнение трех песен… Вы ведь пели у раскрытого в сад окна, не догадываясь, что у исполнителя могут найтись благодарные слушатели… Голос у вас не ах… А мелодии, прямо скажем, отменные… Вот Мальвина и зажглась идеей, вот бы ей эти три песни исполнить, которые вы вчера ночью напевали… И ещё, я готов профинансировать ваш подарок трех песен Мальвины для ее исполнения…

– Профинансировать? – воскликнул, всплеснув руками Николай Николаевич, – да берите даром… Пусть Мальвина Игнатьевна берёт мелодию и текст с этого магнитофона… – он кивнул на смартфон. – Я ей вышлю аудиофайл… И пусть поёт себе на здоровье… К сожалению, как менестрель-дилетант, нотной грамоте я не обучен, ноты, правильно оформленные, предоставить не могу…

– С нотами у Мальвины проблемы не будет, – сухо сказал Игнат Демьянович, – у неё есть музыкальное образование…

– Какое? – полюбопытствовал Николай Николаевич, – музыкальной школы?..

– За ее плечами музыкальное училище, выходит, среднее музыкальное образование… – Он усмехнулся чему-то с заметной грустинкой в глазах. – И даже незаконченное или законченное высшее консерваторское образование… Это вы сами у Мальвины уточните… Она поступала на композиторский факультет, потом на вокальный… Но что-то у ней не заладилось на стезе композитора и вокалистки, перешла на дирижерский на хоровое отделение… Успешно или нет закончилось ее образование, меня интересовало мало, я платил, она училась… А сейчас она у меня девица на выданье, засобиралась в тридцать лет замуж за одного олигарха…

– За олигарха?

– Да, за олигарха, которому безумно нравится, что его любовница хорошо играет на фортепиано и поет классно… Олигарх мечтает слушать Мальвину не только в своих пенатах, но и по радио в FM-диапазоне…

– У меня голова кругом пошла от всего услышанного… Перебор позитивной и негативной информации…

– Под негативной информацией вы имеете в виду, что любовница собирается стать женой олигарха? Уточняю, что олигарх пока женатый на стадии скорого развода со своей старой супругой… Между прочим, старухе под пятьдесят или за пятьдесят… К тому же олигарх пока бездетный, старуха с менопаузой уже не в состоянии подарить ему наследников… А Мальвина музыкантша женщина в соку способна осчастливить слабого здоровьем олигарха прибавлением

в семействе… Короче, олигарх хочет услышать свою любовницу по радио или увидеть по телевизору…

– Чем я-то могу помочь вам и Мальвине Игнатьевне?..

– Звать вас к себе неудобно… Называйте время сегодня вечером, когда прийти к вам Мальвине со своим мобильным телефоном, чтобы переписать файлы трех песен… – Он кивнул на смартфон соседа. – …с вашего устройства… И ещё покажите, как на гитаре играть… Как мне кажется, на фортепиано Мальвина играет лучше и уверенней, чем на гитаре…

– Пусть приходит в любое время, как ей будет удобно…

– Она придёт к вам через два часа…

– Пожалуйста…

– Только не удивляйтесь, она придет со своим личным телохранителем Геной. Это не я ей его выделил, а ревнивый олигарх своей любовнице…

– Нельзя оставлять Мальвину Игнатьевну наедине с другими мужчинами, – улыбнулся Николай Николаевич, – со мной можно, я женатый человек…

– Женатый иногда бывает опасней холостого, – резко перебил его Игнат Демьянович, – это не мое наблюдение, а олигарха и его потенциальной невесты, её нельзя оказаться в положении скомпрометированной девицы… За свадьбой стоят огромные деньги… Олигарх обещал в случае организации успешной свадьбы отписать молодой невесте и ее отцу выгодные акции…

– Даже так…

– Видите, говорю все, как есть… Как на духу… Но фишка есть у олигарха: хочет услышать песню Мальвины по радио, увидеть исполнение ее песен по телеку… Вот такой олигархический бзик… Голосок у Мальвины ангельский, а вот талантишка композитора и поэта Господь ей не дал… Вот я, сосед, еще раз жестко ставлю вопрос – продаете свои три песни мне и Мальвины для исполнения?

– Даром берите… Я уже сказал… Так будет лучше по-соседски и по всему прочему… Я ведь сам свою гитару… – кивок в сторону на инструмент. – …чуть не выбросил к ядреней фене когда-то… Благодаря цветочной магии вспомнил юность и ремесло барда-менестреля…

Николай Демьянович пожал руку соседа со словами:

– Вот, видите, я не ошибся в выборе хорошего соседа… Зачем мне плохой или бездарный сосед, без какой-нибудь жизненной фишки… Так пустое место… А у вас есть дар, поверьте мне на слово…

– Разбуженный дар, – уточнил Николай Николаевич.

– Без разницы, разбуженный или возникший, он есть у вас, и это исторический факт… И этому дару нужно пристроить, как говорят в народе, пристроить ноги…

– Какие ноги?.. О чем вы говорите?..

– Это я образно, не сердитесь… Я оценил ваше бескорыстие, это тоже будет учтено… Ждите Мальвину и с ней оговорите все необходимые детали при трансферте музыкаль-

ных файлов… – кивок на смартфон и гитару. – И прочее…

– У меня раздолбанная старая гитара, зато удивительным случайным образом настроенная… Пусть Мальвина Игнатьевна возьмет свою гитару, если она под рукой…

– Есть гитара, дорогая, но, возможно, расстроенная…

– Настроим…

– Вот и договорились, Николай Николаевич… Ждите, а за ценой мы не постоим…

– Снова вы о цене…

– Любой труд, тем более, хороший должен быть хорошо оплачен, так надо для порядка в этом безумном хаотичном мире…

Глава 6

К нужному времени, согласованному с Николаем Демьяновичем, Николай Николаевич, отрепетировав свои три шлягера на втором этаже своего дома, был готов к решительному контакту с заинтересованным лицом, Мальвиной Игнатьевной. Во время «генеральной репетиции» он как бы потихоньку осознал, что сочиненные им гитарные шлягеры и мелодически, и поэтически были весьма недурны, были на достаточно высоком уровне. Он и сам удивился, что сочинил вчера нечто подобное, из ряда вон выходящее. Уже уверенность в своих силах барда-менестреля позволяло ему с некоторой долей снисходительно, сверху вниз глядеть на заинтересованных в его мелодиях и песнях женщин с незаконченным высшим музыкальным образованием.

«Плевать, что нас к консерваториям даже на пушечный выстрел не подпускали, только искусству джазовой импровизации и сочинительства шлягеров в ваших консерваториях не обучают. И это позволяет авторам классных джазовых мелодий и гитарных шлягеров смотреть без придыхания на выпускников консерваторий. – Так рассуждал Николай Николаевич. – Только сосед небрежно упомянул об ангельском голоске Мальвины Игнатьевны, в сравнении с моим неангельским голосом барда-менестреля. Надо упросить ее исполнить своим ангельским голоском мои несколько купле-

тов, чтобы сориентироваться, как быть дальше, какие коррективы внести, модифицируя тембр гитарного сопровождения. Впрочем, она все же вокалистка с навыками игры на гитаре. Надо ее растормошить, чтобы она сыграла и спела мои шлягеры, пока у меня открылось новое воображение импровизации и сочинительства. Надо экспериментально оценить любознательное, удивлённое влечение вокалистки к моим вещам, которые та услышала из моего распахнутого окна в сад, и к которым она непроизвольно потянулась, предтече доверительного открытым контакта живых душ».

Он встретил на крыльце хорошо знакомую даму с гитарой в дорогом кожаном чехле и ее телохранителя Геной. С Геной он обменялись крепким мужским рукопожатием, но не пригласил его на второй этаж «третьим» для предопределенного заранее музицирования вдвоём.

– Да, втроём нам там на втором этаже будет тесновато, – сказала Мальвина Игнатьевна, – побудь, Ген, в кухне или посиди на лестнице, как посчитаешь нужным.

– Я посижу ступеньке лестницы, – низким голосом пробасил Гена, – но я всё равно должен фиксировать вас взглядом. За это мне инициатор деньги платит. – И тут же обратился к Николаю Николаевичу. – Не возражаете, что я буду фиксировать также все ваши действия и перемещения?..

– Пожалуйста, Геннадий, делайте то, что считаете нужным. И, вообще, расслабьтесь, будьте, как дома. Бокал вина или рюмку коньяка?

– На работе не потребляем, – тихо, но твердо отрезал телохранитель Гена.

– Ну и отлично, было бы предложено. Вперёд и вверх, мадам, но осторожно, лесенка узкая и не очень удобная…

– Мадемуазель, – кокетливо поправила Николая Николаевича, – Мальвина Игнатьевна. – Мадам буду после замужества…

– Уж замуж невтерпёж мадемуазель, – баском пошутил «бодигард» Гена, – потому и охрана ее поклонником к ней приставлена, причем вооруженная до зубов. – И он показал глазами на пистолет в кобуре на боку.

На втором этаже стройная тридцатилетняя шатенка в брючном костюме, которую внимательно разглядывал Николай Николаевич непринужденно села на диванчик за столик, где лежала старая гитара хозяина и, стала вытаскивать свою гитару из изящного кожаного чехла. Она улыбнулась и сказала нечто ободряющее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.